

Глава 1

Макс Скиннер взбежал по Ратленд-Гейт к Гайд-парку. Лето в Лондоне выдалось жаркое, и падавшие на лицо дождевые капли казались нагретыми. Макс трусил по причудливо извивающемуся берегу Серпантина. Из предрассветной мглы выплывали и тотчас исчезали фигуры других любителей помучиться перед завтраком; лица у них блестели от дождя и пота, ноги звучно шлепали по мокрой дорожке.

Погода распугала всех поклонников трусцы, кроме самых упорных. В эту мокроту разом пропали резвые румяные девушки, на которых Макс охотно заглядывался во время пробежки. Не видно было и местного экгибициониста; обычно он уже стоит на изготовку за кустом: на роже похотливая ухмылка, плащ нараспашку. Даже парочка завсегдатаев-терьеров и та не появилась, хотя для них нет большей радости, чем хватать бегунов за щиколотки, пока их смущенный хозяин, едва поспевая за своими любимцами, бормочет бесконечные извинения.

Да, чересчур мокро и, пожалуй, чересчур рано для остальных. В последнее время Макс является в контору поздно, иной раз даже в половине восьмого, чем вызывает большое недовольство Эймиса, своего скорого на расправу босса. Макс дал себе слово, что сегодня все будет иначе. Он придет первым и постарается сделать так, чтобы паршивый ублюдок это заметил. Вся закавыка в том, что сама работа Максу нравится, а вот сотрудников, особенно Эймиса, он терпеть не может.

Обогнув Серпантин, Макс двинулся назад, к памятнику принцу Альберту, размышляя о предстоящем дне. Во-первых, он уже который месяц кропотливо готовил одну сделку, весьма перспективную: она сулила премию, которой хватило бы и оплатить долг терпеливцу-портному, и, что куда важнее, расквитаться наконец с банком. Вместо сдержаных укоров в превышении кредита Максу стали приходить все более грозные послания. Непреложные свидетельства того, что год действительно выдался скучный. Но Макса не оставляла уверенность, что перемены не за горами. Воспрянув духом, он ринулся вниз по Ратленд-Гейт, по-собачьи отряхнулся на пороге и вошел в особняк Георгианской эпохи. Предприимчивая строительная компания в свое время оставила лишь лепной фасад, а нутро полностью выпотрошила; в результате, по словам подрядчика, получилось чрезвычайно привлекательное pied-à-terre² для чиновников разного ранга.

Уборщик, карлик с иссохшим, бледным, словно у жителя подземелья, лицом, поднял голову от пылесоса и укоризненно зацокал языком, глядя на тянущуюся за Максом цепочку мокрых отпечатков.

– Уморите вы меня, ей-богу. Гляньте, какую грязюку развели, весь ковер, к чертям, заляпали, а это ж как-никак аксминстер³.

– Извини, Берт. Всякий раз забываю снять у входа обувь.

Берт фыркнул. Этот диалог повторялся каждое дождливое утро и завершался одним и тем же вопросом. Берт с азартом следил за биржевыми котировками и норовил выудить информацию, недоступную для непосвященных.

– Что хорошего присоветуете на сегодня?

Остановившись перед дверью лифта, Макс приложил палец к губам и, помолчав, изрек:

– Покупай по низкой ставке. Продавай по высокой. Только никому об этом ни звука.

Берт покачал головой. Вот наглец, из молодых, да ранний. Но, правду сказать, он один во всем доме помнит, когда у Берта день рождения, и всякий раз притаскивает бутылку шот-

² Пристанище (фр.).

³ Аксминстер (по названию английского города, где производятся знаменитые на весь мир ковры) – способ изготовления ковра, копирующий ручную технологию. (Здесь и далее примеч. перев.)

ландского виски, а на Рождество непременно сует пухленький конверт с купорами. В общем-то, малый он неплохой, думал Берт, елозя щеткой пылесоса по грязным следам на ковре.

Квартира Макса располагалась на третьем этаже и представляла собой незавершенное (пока) произведение дизайнерского искусства; один знакомый Макса, художник по интерьеру, в надежде получить выгодный заказ, назвал ее неоконченной симфонией. Пока что она годилась только для ночевки. Обстановка была скучная, вся в колючих острых углах – нынешний авангардистский стиль; у стены стояли две неплохие современные картины; в углу пылился унылый фикус и стойка с аудио- и видеоаппаратурой. Макс прожил в квартире уже больше двух лет, но ухитрился ничем не обозначить своего там присутствия; разве что скромная кучка кроссовок в углу свидетельствовала о его личных пристрастиях. Зайдя в крохотную, девственно нетронутую кухоньку, Макс открыл холодильник, в котором сиротливо мерзли бутылка водки да пакет апельсинового сока, и, прихватив с собой сок, направился в ванную.

Горячая вода и холодный сок – самое оно после пробежки. Душем и соком Макс ежедневно вознаграждал себя за одну из своих немногочисленных здоровых привычек. Он слишком много работает, питается по-холостяцки – когда и чем попало, недосыпает и конечно же пьет куда больше, чем те пять рюмок спиртного в неделю, которые не без ханжеского злорадства прописал ему оплачиваемый фирмой врач. Зато Макс бегает трусцой и пока молод. До сорока еще несколько лет; к этому критическому рубежу он непременно приведет в порядок и финансы, и весь жизненный уклад; а там, глядишь, можно будет и оstepениться. Кто знает, может, он даже решится снова связать себя узами брака.

Макс присмотрелся к своему отражению в зеркале для бритья. Голубые, чуть покрасневшие глаза, темно-каштановые, коротко стриженные по нынешней моде волосы, высокие скулы, гладкая кожа. Пока ни мешков под глазами, ни морщин. Могло быть и хуже. Переступив через мокрое полотенце, он сбросил на пол одежду, в которой бегал по парку.

Пять минут спустя Макс уже был в положенной современному молодому чиновнику униформе: темный костюм, темно-синяя рубашка, темный галстук, модные массивные часы, предназначенные для аквалангистов, хорошо знающих цену секунды, в руке мобильный телефон и ключи от машины; теперь он готов покорять финансовый мир. Под моросящим дождем Макс нырнул в положенный ему по статусу черный «БМВ». Пора ехать в Сити. Уж сегодня-то долгожданная сделка наверняка состоится. А там и премия грядет. Он наконец полностью обставит квартиру, наймет уборщицу, чтобы жилище сверкало чистотой, возьмет на несколько дней отпуск и махнет в Сен-Тропе, пока еще не все хорошенъкие девушки вернулись в Париж. Даже услышанный по радио прогноз погоды – местами ливни, переходящие в затяжные дожди, возможен град – его не обескуражил. День все равно будет удачный.

В такую рань ему с лихвой хватит и двадцати минут, чтобы домчаться до улицы Треднидл, на которой находится контора Лотонов, – «под самым боком у Английского банка», с гордостью сообщал предполагаемым клиентам старший из братьев. Компания возникла в конце восьмидесятых, в девяностые годы экономического бума она бурно росла, сливалась с другими, покупала третью, изворачивалась как могла и в конце концов наловчилась без всякой пощады отбирать у зазевавшихся авуары, чем вызывала лютую зависть у своих более щепетильных и сердобольных соперников. А теперь финансовые газеты и журналы величают ее образцом жесткого эффективного менеджмента, который полностью соответствует нынешней суровой эпохе. Молодым клеркам, которые сумели несколько лет продержаться у Лотонов, теперь любое море по колено.

Почти в шесть тридцать, когда Макс уже ехал по Ладгейт-хилл, у него зазвонил мобильник.

– Сегодня с утра прохлаждаемся, а работа, выходит, по боку? – В гнусавом голосе Эймиса слышалась угроза. Не дожидаясь ответа, он объявил: – Есть разговор. Смотри не опоздай к обеду. Трейси скажет, в каком я ресторане.

Вот тебе и удачный денек, подумал Макс. Впрочем, если честно, то день, к которому так или иначе причастен Эймис, удачным быть вообще не может. Взаимная неприязнь возникла между ними с первой же минуты знакомства. Эймис тогда только-только вернулся из Америки. После трехлетнего пребывания в Нью-Йорке он готовился возглавить лондонский офис, и его прямо-таки распирало от сознания собственной важности. Как нередко случается в Англии, их отношения подпортила, казалось бы, сущая мелочь – разница в манере говорить.

Макс, отпрыск благополучной состоятельной семьи, жившей в живописном зеленом графстве Суррей, окончил небольшую частную школу. Эймис родился и вырос на мрачной южной окраине Лондона, отнюдь не зеленою и не благополучной. Вообще говоря, в детстве и юности их разделяли всего двадцать миль, а то и меньше, но эти двадцать стоили всех двадцати тысяч миль. Макс тешил себя мыслью, что в нем нет ни капли снобизма. Эймис тешил себя мыслью, что ни малейшей обиды на жизнь он не затаил. И оба ошибались. При этом каждый скрепя сердце отдавал должное способностям другого и, как это ни было трудно, терпел его общество.

Осторожно заезжая на отведенное для его «БМВ» место в подземном гараже, Макс пытался угадать, чем вызвана назначенная встреча. В кабинете у Лотонов обедом считается сэндвич, который жуешь прямо за рабочим столом, не отрывая глаз от компьютера. По выражению Эймиса, его он вывез из Нью-Йорка, обед – это придури слонятев. И вдруг сам завел речь о настоящем обеде, в ресторане, с ножами и вилками – как положено у слонятев. Чуднб. Ломая голову над загадкой, Макс вышел из лифта и, лавируя между бесчисленными перегородками, направился в свой отсек.

Компания занимала целый этаж в большой коробке из стекла и бетона. За исключением роскошных, отделанных красным деревом и кожей покоев, где располагались братья Лотоны, оформление офиса призвано было отражать дух предприятия: никаких финтифлюшек, никаких супермодных ухищрений. Это фабрика, на которой делают деньги, где царит режим жесткой экономии. Лотоны любили приводить клиентов в офис – они называли его «машинное отделение», – чтобы те полюбовались, как надрываются служащие компании: «Перед вами сорок лучших деловых умов во всем Сити. *И все они заняты исключительно вашими проблемами!*».

Эймис не ограничился утренним звонком, он еще и по электронной почте приспал приказ не опаздывать к обеду. Оторвавшись от экрана, Макс поглядел в угол офиса: там, за стеклянными стенами своего кабинета, обыкновенно расхаживает Эймис, прижав к уху мобильник, но сейчас кабинет пуст. Небось завтракает где-то, гад, подумал Макс, или смылся на урок ораторского искусства.

Сняв пиджак, Макс принял за работу. Он в последний раз проверил вычисления для «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл»; расписывая их достоинства, он надеялся впарить эти две компании какому-нибудь богатенькому клиенту Лотонов. Если дело выгорит, Макс получит премию, которая, по его прикидкам, намного превысит годовое жалованье премьер-министра. Он дважды перепроверил расчеты; цифры каждый раз сходились. Все, теперь можно подавать бумаги Лотонам; дальше пусть командуют сами, а Макс станет богаче на сумму, измеряемую шестизначным числом. Откинувшись на спинку стула, он потянулся и взглянул на часы. Шел первый час, а он еще не удосужился выяснить, куда именно ему идти на обед.

Он направился в угол, где возле кабинета начальства несла караульную службу Трейси, бойкая пышнотелая деваха. Недавно она получила повышение – из секретарши превратилась в личного помощника Эймиса (по кабинете ходил слух, что на эту ступеньку служебной лестницы она поднялась благодаря веселенькой поездке с Эймисом на выходные в Париж). К сожалению, новая должность подпортила ей нрав, Трейси заважничала и даже начала дерзить.

Примостившись перед ней на краешке стола, Макс мотнул головой в сторону кабинета:
– Насчет обеда все в силе? Или босс уже сеет очередную панику на бирже?

– Мистер Эймис ждет вас в «Леденхолл селларс». Ровно в двенадцать тридцать. Не опаздывайте, – проговорила Трейси с таким видом, словно с удовольствием выдала бы Максу штрафную квитанцию за парковку в неподожженном месте.

Макс удивленно поднял брови. Когда-то «Селларс» был складом при старинном рынке Леденхолл, а потом превратился во вполне пристойный винный бар, и теперь его завсегдатаями стали крутые дельцы из Сити; здесь они подкрепляются так, как подобает мужчинам в самом соку, – кусками жареной вырезки и сыром «стилтон», запивая их невероятно дорогим красным вином и готовясь к послеобеденным трудам с помощью крепкого портвейна. Несмотря на голые кирпичные стены и усыпанный опилками пол, это один из самых дорогих ресторанов в Сити.

– Неужто он транжирит свои накопления? – удивился Макс. – С какой стати, не подскажешь?

Опустив глаза, Трейси поправила лежавшие на столе бумаги.

– Понятия не имею, – бросила она наконец.

Ее нарочито небрежный тон не убедил Макса, скорее раздосадовал:

– Слушай, Трейси, давно хочу спросить тебя кое о чем.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Поездка в Париж удалась?

Ба, похоже, злые языки-то правы: вон как Трейси залилась краской. Макс вернулся к своему рабочему месту за пиджаком и зонтом: под проливным дождем предстояло мчаться на Леденхолл-стрит. У выхода он помешкал, не решаясь нырнуть в гущу огромных зонтов – этим летом самый модный аксессуар; словно разноцветные грибы, они разом раскрылись повсюду, загромождая тротуары и мешая проходу. Не миновать ему опоздания.

Когда Макс вошел в переполненный сводчатый зал, Эймис уже сидел за столиком, прижав к уху мобильник. Потершись среди воротил Уолл-стрит, Эймис перенял их манеру одеваться: рубашки в яркую полоску с белым воротничком, алые подтяжки, галстуки, разрисованные быками и медведями. До чего же эта пестрая, вызывающая экипировка не вяжется с его жесткой, тонкогубой физиономией и тюремной стрижкой. Впрочем, что бы он ни надел, все равно выглядит как бандит. Но деловая хватка у него потрясающая, за что его обожают остальные братья Лотоны.

Закончив разговор, Эймис многозначительно посмотрел на часы. Часы были золотые, еще массивней, чем у Макса, на циферблете россыпь мини-циферблотов: один показывает глубину погружения в метрах, другой – истекшее время, а третий, совсем редкостный, – индекс NASDAQ.

– А теперь что стряслось? Заблудился?

Макс налил себе красного вина из стоявшей на столе бутылки:

– Прошу прощения. Леденхолл-стрит запружен зонтами. Ни пройти ни проехать.

Эймис недовольно хмыкнул и жестом подозвал официантку.

– Слушай, киска, знаешь, что мне нужно для полного счастья? – неожиданно веселым тоном обратился он к ней и подмигнул. – Хорошо прожаренный кусок вырезки, сочный, но без кровищи. Этого мне на работе хватает.

Официантка старательно улыбнулась в ответ.

– С жареной картошкой. На десерт крем-брюле. Записала?

У него вновь застrekотал мобильник; Эймис негромко забурчал в трубку, а Макс тем временем заказал себе бараньи отбивные и салат.

Эймис убрал телефон и отхлебнул вина.

– Ну а теперь изложи вкратце, как дела с «Транс-Акс» и «Ричардсон Белл».

Битых полчаса Макс сыпал цифрами и прогнозами, анализировал стиль управления компаниями и способы раздеть их до нитки – не зря же он ими занимался с самого начала года.

Эймис усердно жевал, записывая что-то в блокнот, лежащий возле тарелки, но ни вопросов, ни замечаний, ни встречных предложений не последовало.

Макс замолчал и отодвинул от себя тарелку с остывшими, недоеденными отбивными:

– Стало быть, ради этого мы сюда пришли?

– Не совсем. – Эймису явно нравилось держать Макса в напряженном неведении. Он сосредоточенно ковырял зубочисткой в зубах, не без интереса рассматривая результаты изысканий.

Подошла официантка и стала убирать тарелки. Казалось, Эймис только этого сигнала и ждал.

– Я тут переговорил с братьями, – сообщил он, – и они мою тревогу разделяют.

– О чём речь? Что-то не пойму.

– О твоем поведении, дружок. О твоей производительности труда. В этом году ты смахиваешь на больного, правда ходячего. Тоска смотреть.

– Вы же знаете, над какой головоломной задачкой я полгода корпел. Я же только что докладывал… – Макс едва не сорвался на крик. – Не мне вам объяснять, что подобные сделки за пару недель не сляпаешь. На них нужно время.

Прибыло крем-брюле, Эймис опять игриво подмигнул официантке и сурово продолжил:

– Брось заливать, дружок, брось заливать. Знаешь, в чём тут закавыка? – Он поглядел на Макса и обличающе трижды кивнул головой: – Бурная личная жизнь мешает. Слишком часто ложишься за полночь, слишком много сил на телок тратишь. Хватку потерял.

И, вооружившись ложкой, он с силой воткнул ее в десерт.

– Чушь собачья, и вам это прекрасно известно. Обе компании наконец дозрели. Считайте, дело в шляпе.

Эймис поднял голову; на подбородке у него желтела капля крем-брюле.

– Вот тут ты, пожалуй, прав.

– Это вы к чему?

– Я сам займусь этой сделкой.

Эймис сунул в рот очередную ложку десерта и громко захрустел карамельной крошкой. Макс глубоко вздохнул:

– Посмотрим, что скажут остальные Лотоны. Они…

– Опоздал, золотце. С ними все уложено. Сегодня утром мне дали зеленый свет.

Картина получалась безрадостная. Полгода работы ису под хвост. Самое обидное, что премии теперь не видать – она осядет на счету Эймиса, а у Макса вырастет пачка неоплаченных счетов, и банк еще туже затянет петлю на его шее.

– Так не поступают. Это же наглый грабеж, черт побери. Откровенное воровство.

– Ты где живешь? Открой глаза. Это бизнес, понял? Бизнес. Ничего личного, никаких обид. И вот еще что. Мне тут намекнули насчет одной небольшой машиностроительной фирмочки, но у меня на нее сейчас нет времени. Можешь ею заняться.

Много лет назад, вдруг вспомнилось Максу, покойный дядя Генри учил его уму-разуму: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». И Макс решился:

– Могу, говорите, ею заняться? Другими словами, окучить ее как следует, а когда все будет на мази, опять получу коленом под зад. Так, что ли? – Перегнувшись через стол, он прощедил: – Засунь свою машиностроительную фирмочку себе в задницу, и всю вашу лавочку туда же. На такого вора и мерзавца я пахать не намерен.

Макс резко отодвинулся от стола. Эймис был страшно доволен. Все прошло как по маслу, лучше и быть не могло. Он получил подробнейшую схему предстоящей сделки, а поскольку Макс сам заявил, что уходит, никакой денежной компенсации ему не причитается. Блеск.

– Как знаешь, – буркнул он. – Сам решил – так тому и быть. Смотри освободи стол до вечера, понял?

Макс встал, но Эймис еще не закончил расправу:

– А ты, дружок, ничего не забыл? Про машину компании, например? – Он протянул руку:
– Если не возражаешь, ключи я заберу сам.

Макс вынул ключи из кармана, секунду помедлил и опустил их прямо в недоеденное крем-брюле.

Эймис проводил его взглядом. Затем достал мобильник и набрал номер Трейси.

По дороге назад, в контору, Макса переполняли противоречивые чувства: страх и одновременно восторг от содеянного. Работу он потерял, конечно, в крайне неподходящий момент. Зато теперь покончено с Эймисом и его бесконечными колкостями; увы, по сравнению с упущенной премией это слабое утешение. Да, попал он в переплет, надо срочно подыскивать что-то другое. Раз уж ему предстоит торчать в конторе Лотонов еще несколько часов, стоит оттуда позвонить кое-кому. Может быть, даже в Нью-Йорк.

Однако Макса ждал неприятный сюрприз: в его отсеке уже окопались Трейси и два охранника.

– Господи! Вы решили, что я собрался стащить коврик из-под мышки?

– Обычная процедура при расторжении контракта, – процедила Трейси и повернулась к охранникам: – Оставайтесь здесь, пока он не сдаст дела, потом мне отчитаюсь. – Проходя мимо Макса, она с ласковой улыбкой поинтересовалась: – Как прошел обед?

Макс оглядел тесный отсек, в котором в последние полгода он проводил большую часть времени. Что ему хочется взять с собой? Что разрешат взять? Дискеты? Точно не разрешат. Настольный календарь от фирмы «Братья Лотоны»? Боже сохрани! А что тут еще? Да почти ничего, мелочь всякая. Пожав плечами, он бросил охранникам:

– Остальное, ребята, ваше.

Выйдя на Треднидл-стрит, он увидел пустое такси, из-под колес которого веером летели брызги. Макс поднял руку, но, вспомнив, что он только что пополнил ряды безработных, махнул шоферу, чтобы тот не останавливался. Он уже и не помнил, когда последний раз спускался в метро. Значит, его ждут новые, непривычные впечатления. Макс зашлепал по лужам к ближней станции, чувствуя, как вода просачивается в туфли.

В квартире он тоже не нашел ничего утешительного. Сбросил туфли, снянул носки. В окна сочился по-зимнему свинцово-серый свет; ничего себе лето. На автоответчике мигал красный глазок индикатора.

– Ублюдок несчастный! Где ты шлялся вчера ночью? Меня в жизни еще так не унижали. Какие-то жуткие типы ко мне kleились, норовили полапать. Даже не пытаются теперь...

Макс поморщился и, не дослушав, отключил обличения. Накануне он заработался и напрочь забыл, что договорился встретиться с этой девицей в баре клуба «Челси Артс». Он хорошо знал многих из своего клуба и живо представил себе, как парни из кожи вон лезли, опекая хорошенькую незнакомку, но, видно, перестарались. О господи! Надо послать ей цветов и покаянную записку.

Стянув с себя пиджак и галстук, он плюхнулся на кушетку. От недавнего оптимизма не осталось и следа. В квартире все вверх дном. И в его жизни тоже. Заняться уборкой или выпить водки? Отвергнув оба варианта, Макс включил телевизор. Кулинарная программа. Документальный фильм о саламандрах. На Си-эн-эн программа новостей, ведет какой-то тип с распущенными феном волосами. Гольф – это лучше всякого сноторвного. Макс задремал, ему приснилось, что он топит Эймиса в бочке, полной крем-брюле.

Разбудил его телефонный звонок. За окном уже стемнело. Значит, Макс проспал несколько часов, но впечатление было такое, что игра в гольф остановилась ровно на той же точке. Видно, лунка попалась не из легких. Макс выключил телевизор и снял трубку.

— Ага, вот ты где, шельмец этакий. Я звонил тебе на работу, но мне сказали, что ты ушел рано. У тебя все нормально?

Это Чарли, его самый близкий друг и бывший шурин.

— Вполне. — Макс зевнул. — Вообще-то, далеко не нормально. Денек выдался тот еще.

— Ничего, сейчас все исправим. Вечером мы с тобой отпразднуем важное событие: Чарльз Уиллис, восходящая звезда торговли недвижимостью, сегодня днем получил повышение. Стал полноправным компаньоном «Бингам и Траут». Требуется, говорят, свежая кровь. Ситуация в торговле недвижимостью меняется, надо идти в ногу со временем, твердой рукой держать штурвал и прочее.

— Чарли, вот здорово! Поздравляю.

— Тогда нечего там рассиживаться. Подъезжай сюда и помоги прикончить бутылочку шампанского; «Крюг», не хухры-мухры.

— А ты где?

— Один мой старый клиент только-только открыл это заведение — рядом с Портобелло-роуд. Называется «Пино». Отличный бар, отличная карта вин. Я вот с тобой разговариваю, а вокруг крутятся такие пышечки — пальчики оближень. Все как одна красотки с Ноттинг-хилл в полуопрозрачных прикидах. С трудом отбиваюсь.

Макс, улыбаясь, повесил трубку и пошел в ванную переодеваться. Еще в школе Чарльз лучше всех умел поднять настроение. Выглянув в окно, Макс увидел, что дождь прекратился. Хандру как рукой сняло; спускаясь по лестнице, Макс заметил, что насвистывает что-то веселенькое.

В вестибюле он подошел к своему почтовому ящику. Ничего особенного, счета с последними предупреждениями, рекламные проспекты и пара приглашений на званый ужин — их посылают всем лондонским холостякам. Однако среди обычной дребедени обнаружился загадочного вида конверт с французской маркой. В верхнем левом углу — маленько стилизованное изображение богини правосудия, под ней адрес отправителя: «Cabinet Auzet, Notaires, Rue de Remparts, 84903 St.-Pons»⁴. Макс начал вскрывать письмо, но передумал: оно отвлечет его от ужасов подземки. Он сунул письмо в карман, все остальное затолкал обратно в ящик и направился к станции метро «Саут-Кенсингтон».

⁴ Нотариальная контора Озе, ул. Рампар, 84903, г. Сен-Пон (фр.).

Глава 2

Поезд отошел от платформы и с грохотом помчался в сторону Ноттинг-хилл. Стоя в битком набитом вагоне, Макс заново открывал для себя прелести общественного транспорта. Почти все окружающие, словно повинуясь неким племенным обычаям, прошли через ритуальный пирсинг. Ноздри, брови, губы, уши, даже несколько мертвенно-бледных и тем не менее выставленных на обозрение пупков – все было проткнуто и чем-нибудь украшено. Остальные видимые части тела, не подвергшиеся пирсингу, покрыты татуировкой. Немногочисленные пассажиры постарше и поконсервативней, без блестящих камешков в ноздрях или висюлок в ушах, выглядели как реликты древнейшей эпохи, когда человечество еще не знало украшений. Уткнувшись в книги и газеты, они старались не встречаться взглядом с представителями нового, пышно декорированного поколения, обступавшими их со всех сторон.

Макс протиснулся в угол и вытянул из кармана письмо. Прочел сухие официальные фразы раз, другой... Полузабытый французский постепенно стал проясняться, оживать. Вникая в текст, Макс едва не проехал нужную остановку; все еще погруженный в свои мысли, он нашел ресторан и толкнул входную дверь из толстого матового стекла.

Его как волной окатил шум и гам, типичный для модного заведения в разгар вечера. Длинный, с низким потолком зал, голые стены, непокрытые столы и невероятная акустика; казалось, работает гигантский усилитель, в полном соответствии с распространенной теорией, согласно которой избыток шума – лучшая приправа к еде. В подобных заведениях романтически настроенному человеку приходится орать всякие милые глупости прямо в ушко своей спутнице. Но это определенно придавало особую прелесть новому ресторану – все столики были заняты.

Покачивая бедрами, к Максу подплыла гибкая молодая женщина, тугу обтянутая пластью из чего-то вроде черной пленки.

- У вас заказан столик? – вздернув брови и играя ресницами, спросила она.
- У меня тут встреча с мистером Уиллисом.
- Ах, с Чарли. Ну конечно. Позвольте, я вас провожу.
- Да хоть на край земли, – отозвался Макс.

Красотка хихикнула и, вся извиваясь, победно зашагала впереди; так ходят лишь модели по подиуму и ресторанные администраторши. Остальным грозит вывих бедренного сустава.

Чарли сидел за угловым столиком, в ведерке со льдом красовалась бутылка. Увидев Макса, он широко улыбнулся:

– Я вижу, ты уже познакомился с очаровательной Моникой. Редкая штучка, скажи? Единственная из известных мне девушек, которая даже в теннис играет на каблуках.

Моника одарила их улыбкой и, грациозно покачиваясь, зашагала назад – встречать гостей. Макс глянул на сияющее румяное лицо друга. Милига Чарли. Красавцем его не назовешь: толстоват, одет небрежно, волосыечно растрепаны, но шарма – бездна; блестящие карие глаза и неиссякаемое женолюбие делают его совершенно неотразимым. До сих пор ему удавалось, хоть и не без труда, избежать брачных уз. Максу повезло меньше.

Несколько лет назад Макс женился на Аннабел, сестре Чарли. Это была ошибка. Семейная жизнь сразу не заладилась, и все кончилось плохо. К большому возмущению Чарли, Аннабел сбежала с каким-то кинорежиссером в Лос-Анджелес и теперь живет в Малибу, на океанском побережье, в деревянной хижине стоимостью четыре миллиона долларов. Когда Чарли виделся с сестрой последний раз, она, в погоне за вечной молодостью, уже сделала себе инъекции ботокса и занялась силовой йогой. «Совсем сбрендила, – объявил Чарли Максу. – Я всегда терпеть ее не мог. Считай, тебе крупно подфартило». В общем, их с Чарли дружба пережила неудачный брак Макса, а может быть, стала даже крепче прежнего.

– Ну а теперь слушай, – начал Чарли, разливая шампанское. – Зарплату мне увеличили вдвое, выдали «мерседес», пакет акций, положенный полноправному компаньону, и сказали: «Твое блестящее будущее в твоих руках». Так что сегодня угощаю я. – Он поднял бокал: – За цены на лондонскую недвижимость! Будем надеяться, они продолжат стремительный рост.

– Поздравляю, Чарли. Тебе, шельмцу, крупно повезло.

Макс потягивал шампанское, глядя, как со дна бокала, кружась, взмывают пузырьки. Шампанское всегда сопутствует удаче, думал он. Напиток оптимистов.

Склонив голову набок, Чарли наблюдал за другом:

– Тот еще выдался денек, говоришь. И что же случилось? Неужто не с кого активы содрать?

Макс рассказал про обед с Эймисом, про унизительную сцену с ключами от машины и про громил-охранников, торчавших возле его рабочего стола.

– Короче, все хуже некуда: ни премии, ни работы, ни машины. Правда, потом пришло вот что.

Он подтолкнул письмо поближе к Чарли. Тот взглянул и уныло покачал головой:

– Я пас, старина. Моего французского на это никак не хватит. Придется тебе перевести.

– Помнишь, когда мы еще в школе учились, родители отправляли меня на лето во Францию? У дяди Генри, брата отца, там было имение, примерно в часе езды от Авиньона. Большой, старый, окруженный виноградниками дом, недалеко от маленькой деревушки. Мы с дядей Генри частенько играли в теннис, в шахматы, а вечерами он поил меня вином пополам с водой – в голову все равно ударяло – и учил жить. Старик был что надо. – Макс отхлебнул шампанского. – Не виделся с ним лет сто. А теперь вот жалею, две недели назад он умер.

Чарли пробурчал слова соболезнования и долил Максу шампанского.

– Он, между прочим, так и не женился и детей не завел. – Макс взял письмо со стола. – Согласно его завещанию, я, похоже, единственный пока живой родственник. И вроде бы все свое имущество он оставил мне – дом, участок земли, двадцать гектаров, мебель и прочее.

– Господи! – воскликнул Чарли. – Двадцать гектаров – это больше сорока акров, верно? Слушай, это же настоящее поместье. Загородный дворец.

– Замка я что-то не припомню, но дом точно большой.

– И виноград, говоришь, растет?

– Не то слово. Кругом сплошной виноград.

– Отлично. Это надо отметить как следует, – объявил Чарли. Он поднял руку и принял размашисто ею крутить, подзываю официанта с картой вин. – Как ты знаешь, винишко я любил всегда, – обернулся он к Максу. – А теперь решил подойти к делу серьезно: завожу настоящий винный погреб. По вечерам хожу на курсы дегустаторов. Жутко увлекательное оказалось занятие. А, вот и вы, – обратился Чарли к подошедшему сомелье. – Мы тут кое-что отмечаем. Мой друг только что унаследовал загородный дворец и виноградник во Франции. Нам бы что-нибудь подходящее для такого счастливого случая, скажем домашнего винца. – Спохватившись, он погрозил сомелье пальцем: – Домашнего, но сделанного в Бордо, ясно? Классическое красное. Все эти новинки из Нового Света не пойдут.

Склонившись к карте вин, Чарли и сомелье принялись вполголоса, с большим знанием дела обсуждать напитки. Макс оглядел зал. Шикарные женщины и преуспевающие мужчины – представители лондонской элиты – во все горло вели светские беседы. Максу вдруг захотелось оказаться в местечке потише, ему даже вспомнилась собственная пустая квартира. Нет, в такую могильную тишину не тянет. Он опять взглянул на письмо; интересно, сколько можно выручить за всю эту недвижимость, если ее продать? Наверняка с лихвой хватит, чтобы выбраться из долговой ямы. Макс поднял бокал и мысленно возблагодарил покойного дядю Генри.

– Отлично! – воскликнул Чарли. – Это подойдет.

Собрав губы в куриную гузку, сомелье одобрительно кивнул и отправился на поиски.

– Вот, – Чарли ткнул пальцем в винную карту, – «Леовиль-Бартон» восемьдесят второго года. Класс. Лучше не найти.

Макс посмотрел на графу, в которую уткнулся палец друга, и глазам не поверил:

– Триста восемьдесят фунтов?! Ты шутишь?

– В наше время это сущие гроши. Недавно человек шесть азартных молодых кутил – скорее всего, банкиров – обедали в одном из сент-джеймсских ресторанов и оторвались по полной программе. За шесть бутылок вина выложили сорок четыре тысячи фунтов. Шеф-повар так обрадовался, что бесплатно угостил их обедом. Да ты небось об этом читал.

К столику вновь подошел сомелье; Чарли смолк, поскольку началась торжественная церемония: сначала им поднесли заветную бутылку для осмотра – так родитель с гордостью демонстрирует очаровательного младенца. Затем была срезана свинцовая крылечка, извлечена благородная пробка, которую им предложили понюхать, и лишь потом с профессиональной ловкостью сомелье перелил темно-рубиновую жидкость в графин, плеснув крохотный глоточек в бокал.

Теперь настала очередь Чарли.

– Пять важных моментов отделяют искусство питания от вульгарной пьянки, – произнес он и взял бокал.

Сомелье наблюдал терпеливо и снисходительно, явно предвкушая солидные чаевые.

– Первое – настроим дух. – Чарли несколько секунд с благоговением смотрел на бокал, затем поднял его к свету: – Теперь ублажим взор. – Он слегка наклонил бокал, выявляя оттенки, – на дне вино было густо-рубинового цвета, выше – бордового, а на поверхности у стенки бокала чуточку отливало коричневым. – Теперь усладим обоняние. – Он осторожно покачал бокал, чтобы вино «подышало», и лишь потом опустил к напитку нос и сильно потянул воздух. – Ах, – выдохнул он, закрыв глаза и слегка улыбаясь. – Ах.

Макс почувствовал себя вуайеристом, подглядывающим за интимными радостями жизни. С самого детства Макса смешала страсть, с которой Чарли предавался своим увлечениям, начиная со скейтборда в школе и вплоть до прошлогоднего каратэ. А теперь прочие интересы, очевидно, вытеснило вино. Лицо Чарли выражало глубочайшее удовольствие. Макс усмехнулся.

– Пока все хорошо? – осведомился он.

Чарли будто и не слышал:

– Теперь пусть насладятся губы, язык и нёбо.

Он отхлебнул вина и, не глотая, осторожно, с каким-то хлюпающим призвуком, втянул в рот немного воздуха. Несколько секунд челюсть его ходила вверх-вниз, будто Чарли что-то жевал; наконец он сделал глоток.

– Мм… Последняя стадия – это оценка вкусовых достоинств. Эту информацию рецепторы посыпают в мозг, настраивая его на предстоящее вкушение напитка. – Он глянул на сомелье и кивнул. – Вполне подойдет. Пусть еще немного подышит. Нет, вернее, – пусть, так сказать, придет в себя.

– Какая впечатляющая процедура, – заметил Макс. – Я глаз не мог отвести. На курсах дегустаторов таким премудростям научился?

Чарли кивнул:

– Вроде бы ничего мудреного, но разница колossalная. Главное – не спешить, сосредоточиться на том, что ты пьешь. Слушай, нам здорово повезло. Поджидал тебя, я проглядел меню; сегодня есть седло барашка. С отличным бордо великолепно. А на закуску, чтобы прикончить шампанское, давай возьмем блинов. Как тебе такой вариант?

Обед с Эймисом, покрытые застывшим жиром отбивные остались в далеком прошлом.

– По-моему, идеальная пища для безработного, – отозвался Макс.